

Юлия Каштанова

Необычные сказки

*сборник коротких
рассказов*

Юлия Каштанова

Необычные сказки

«Издательские решения»

2015

Каштанова Ю.

Необычные сказки / Ю. Каштанова — «Издательские решения»,
2015

Этот сборник включает в себя старые рассказы, которые сам автор называет «семинарскими» — то есть те, что были созданы на заре писательской карьеры. Они отражают мировоззрение автора тех самых лет, до того, как автор обратился к крупной прозе — роману и повести. Это сказки веселые и грустные, поучительные и добрые. Сказки о нас с вами.

© Каштанова Ю., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Новогоднее танго	6
Диалог	8
Привидение	10
Маска	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Необычные сказки
сборник коротких рассказов
Юлия Каштанова

© Юлия Каштанова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Новогоднее танго

В подземном переходе звучало танго. Ритм кумпарситы высыпался звонкими искрами из хрипловатых динамиков. Раз-два-три-четыре, раз-два-три, раз-два-три-четыре, раз-два-три... Миновала львиная доля декабря, но зима приходит не торопясь, несмотря на обилие елок, залитые катки и многоцветье гирлянд. Снег если и выпадал, то сразу таял, а промерзлая земля сиротливо прижималась к стенам домов и бортикам троттуаров. Грустно.

Так думал демиург, которого под новый год – как это обычно бывает с мистическими созданиями – занесло в город. Он шел по переходу, отстукивая в такт каблуками и тросточкой ритм танго, небрежно перекинув через плечо длинный вязаный шарф, который, по обыкновению, носил поверх намеренно лишнего пуговиц пальто. Он напоминал поэта-хулигана начала прошлого века. Раз-два-три-четыре – считали каблуки, раз-два-три – вторила им трость.

Демиургу было скучно. Ему хотелось совершить что-нибудь. Не обязательно дурное, не обязательно хорошее. Просто совершить. Например, снести парочку уродливых новостроек в центре и на их месте вырастить гигантскую ель метров в сто высотой – пусть люди поражаются. Или засыпать целую площадь конфетами и конфети, чтобы счастливые дети, а следом за ними и взрослые побросали свои дела и бросились возиться в разноцветных сугробах в поисках сокровищ...

И тут в его мысли вклинился звук. Стройный, нежный и манящий, как газовый шарфик, унесенный бризом в заводь, на которой кружатся лепестки оцветающей вишни. Что это?

Звук повторился опять. Он вплетался в звуки танго из динамиков так гармонично, что, казалось, трудно было представить две эти мелодии отдельно. Демиург прибавил шаг.

За поворотом коридора на расстеленной на полу курточке сидела девочка-подросток – худенькие русые косички, маленькое сосредоточенное личико, лучистые серые глаза. Девочка водила смычком по струнам скрипки с такой серьезностью, будто выступала в королевском театре Вены. Мимо спешили люди, а они будто оказались в ином пространстве и времени, в созданной музыкой сказке. И демиургу захотелось что-то подарить маленькой скрипачке. Не может же он, в самом деле, оставить ее без ответного дара!

– Здравствуй, – произнес он, когда девочка закончила очередную фразу.

Девочка перевела взгляд с грифа на собеседника и улыбнулась. В глазах ее плескались звезды – как в маленьком озере в ясную летнюю ночь. Демиург сунул руку в карман пальто и, вытащив на свет белоснежную розу, протянул новой знакомой. Это был цветок тончайшей ювелирной работы, но выглядел и пах, как живой.

– Ты... волшебник? – прошептала ошеломленная девочка.

Демиург вздохнул. Как хорошо, что остались в городе те, кто еще верит в существование волшебства и сказок. А ведь могли назвать фокусником, иллюзионистом или хуже того – мошенником и педофилом.

– Да.

– А добрый или злой?

– А тебе какой нужен?

– Не знаю. Просто я никогда раньше не встречала настоящих волшебников.

– А я – настоящих волшебниц, – признался демиург. – Слушай, а у тебя есть заветное желание?

– А тебе зачем? – насторожилась юная скрипачка.

– Ну, я же волшебник – значит, могу его исполнить.

Девочка задумалась на мгновение, а потом произнесла:

– Хочу, чтобы моя скрипка никогда не портилась.

Ответ поставил демиурга в тупик.

– Зачем? – пробормотал он растеряно.

– Как зачем? – девочка посмотрела на собеседника укоризненно – такой большой, а не понимает ничего! – Я поступлю в консерваторию, потом пойду играть в лучший оркестр, буду ездить на гастроли и напишу много-много красивой музыки. Для этого ого-го какая скрипка нужна!

Демиург вздохнул. Перед его глазами сменялись картины будущего маленькой скрипачки. Вот она заканчивает школу и поступает в консерваторию. Вот она уже на выпускном концерте. Публика очарована, девушку засыпают цветами и предложениями поиграть в различных коллективах. А дальше – букет из бесконечных концертов, гастролей, цветов, поклонников, бриллиантов, шампанского... А потом возвращение в одинокую роскошную квартиру, где нет никого, с кем можно было бы поговорить. А дальше что? Алкоголь, наркотики, больница? Или однообразие быта, где каждый день похож на два соседних? И даже если все это приправить яркими специями гениальной музыки, то все равно картина получается мрачная...

– Ты действительно этого хочешь?

Девочка потрянула русой головкой.

– Конечно!

Демиург трижды ударил тросточкой о мрамор перехода. Откуда ни возьмись, в воздухе закружились снежинки, одна из них упала ему на нос и еще две – на макушку. Он повернулся и пошел прочь.

Уже спускаясь по лестнице на платформу, он вдруг остановился. А почему, собственно, все обязательно должно кончиться скверно? Может быть, на одном из концертов она встретит прекрасного молодого флейтиста, они полюбят друг друга и вместе напишут миллион гениальных произведений, от которых на сердце станет светло. И демиург рассмеялся, кружась по пустой платформе. Конечно, все будет хорошо! Непременно!

В переходе звучало танго. Близился Новый год.

Диалог

Ребенок сидел на краю обрыва, свесив ноги. Внизу, далеко в туманной бездне, плескалось огромное море и тянулось до самого горизонта. Волны накатывались на берег и расшибались в тысячи сверкающих капель.

– Здравствуй, бездна! – закричал он, наклонившись вперед, и без отрыва смотрел в нефрито-бирюзовую гладь волн.

– Привет тебе, песчинка! – ответило огромное море.

– Скажи, почему ты все время бросаешься на скалы, хотя знаешь, что волны твои разобьются? – спрашивал изумленный ребенок.

– Тебе не понять, песчинка... – прошумело в ответ огромное море. – Я такое обширное. Мириады волн я храню в себе. И если ничтожная толика их разбивается об утес, на котором ты сидишь, то это ничто в сравнении с моей мощью.

И ребенок оторвал взгляд от бездны и задумался. Он поднял голову и посмотрел в широкое небо. Небо переливалось серебристо-голубым куполом и казалось таким близким и таким далеким.

– Здравствуй, великолепное небо! – воскликнул ребенок, полный восхищения.

– Здравствуй, птишка, – отвечало небо, и в голосе его слышались и громовые раскаты, и птичьи трели.

– Ты такое красивое! – восторгался ребенок.

– Я знаю, – гордо отвечало небо. – Я ведь такое высокое. Люди, звери и даже птицы не могут достать до меня. Я глубже и бездоннее самого большого моря...

«Какая холодная красота,» – подумал ребенок и подошел к краю. Там, далеко впереди, между перломутровым небом и лазурным морем носились большие белые птицы, вспыхивая колокольчиками в воздухе и падая каплями на воду.

– Здравствуйте, чайки! – позвал их ребенок.

Птицы сперва, казалось, не услышали, но вдруг повернули в его сторону, подлетели и закружились над его головой.

– Здравствуй, маленький человек! – наперебой загалдели они, так что ребенок даже прикрыл ладошками уши.

– Милые чайки, – взмолился он наконец, – расскажите мне, что вы видите и чувствуете, когда парите над бесконечной водою? Каково это – летать?

– О, великолепно! Изумительно! Очаровательно! – снова закричали чайки. – Полетели с нами! Ты все увидишь сам! Там, за горизонтом столько чудес!

– Но у меня нет крыльев, – разочарованно и грустно проговорил ребенок. – Я не умею летать.

Чайки сразу прекратили свой базар и, быстро потеряв всякий интерес к ребенку, разлетелись по своим делам. Ребенок опустил голову и тихонько произнес:

– Здравствуй, утес.

Но утес молчал и даже не пошевелился.

Здравствуй, утес, – повторил он уже громче, но снова ответом ему было лишь молчание.

«Наверное, не услышал, – подумал ребенок, – или спит.» И, огорченный, побрел прочь с утеса. Хотел было поговорить с солнцем, но оно вдруг почему-то закрылось тучами и вскоре его совсем не стало видно. А ребенок все брел, склонив голову, обратно, когда неожиданно на пути ему попался высокий курган. И он поздоровался, скорее из вежливости.

– Здравствуй, – прогудел в ответ курган, – хорошего тебе дня.

Ребенок в удивлении остановился.

– Спасибо, – произнес он. – Мне еще никто сегодня не желал ничего хорошего, – и он решился спросить: – Высокий курган, скажи, зачем ты стоишь здесь, посередине равнины?

– Потому что я – хранилище истории. – Люди насыпали меня, чтобы сохранить память об одном из них. Они любят и помнят его и хотят, чтобы другие тоже любили и помнили. Это значит, как говорят люди, он оставил о себе добрую память.

– А я? Я могу это сделать? – быстро спросил ребенок. – Что мне делать, чтобы меня тоже любили и помнили?

– Это очень просто, – прошелестел курган шепотом ветерка, – вот, возьми хотя бы эти цветы.

Ребенок огляделся и, к удивлению своему, заметил, что вся земля вокруг пестрела большими яркими цветами: желтыми, голубыми, белыми... Ребенок стоял сперва, сраженный их красотой, а потом кинулся их собирать. Вскоре он набрал их столько, что едва был виден за огромным букетом.

– Вот видишь, – прогудел курган, – а теперь иди и подари их людям, тем, которых ты любишь. Вот тебе и первый пример. Теперь посмотри под ноги.

Ребенок увидел, как что-то блеснуло в траве. Он наклонился и поднял серебряную монетку.

– Вот тебе и второй пример, – услышал он голос кургана. – Теперь пойди и отдай ее тому, кто больше всего нуждается в ней. И еще возьми это.

И в руку ребенка упал гладкий желудь.

– Вот тебе и третий пример. Посади этот желудь возле дома, и пусть из него вырастет могучий дуб. Летом он будет дарить тень, весной радовать зеленой дымкой молодых листочков, а осенью приносить богатый урожай. Эту крохотную толику, эту лепту, ты внесешь с вою жизнь и жизнь близких тебе людей самостоятельно, и тогда ты оставишь о себе добрую память...

– И это все? – не унимался ребенок. – А еще?

– Думай сам, – шумел курган волнующейся травой, – думай и чувствуй...

Курган умолк. Ребенок смотрел на полевые цветы, блестящую монету и гладкий желудь и думал. И слова кургана эхом пронеслись у него в голове:

– Делай добро... делай добро людям...

– Спасибо, высокий курган, – еле слышно прошептал ребенок, – спасибо за все. Я понял. Теперь я все понял.

Он прижал к себе эти простые вещицы, как драгоценные дары, и побежал прочь.

Привидение

Я сидел в гостиной на диване, скрестив ноги, а оно – напротив меня в углу в кресле. Я пил кофе и смотрел в окно, а оно – в сторону, скосив большие голубые глаза. Разговор не клеился.

За окном капал мелкий дождик, делая снег возле дома шербатым. Небо было серым от туч, деревья торчали на его фоне черными мокрыми палками.

– Прекрасная погода, – отозвалось оно из своего угла.

– Нелетная, – ответил я.

В это время с карниза с треском сорвалась огромная сосулька и со свистом пролетела мимо нашего окна.

– Вы правы, – согласилось оно, – но если б не дождь...

Мимо пронеслась вторая сосулька.

– Да, – вздохнуло оно, – сегодня, хочешь не хочешь, а не летаешь.

– А вы надолго к нам... завернули? – этот вопрос давно меня мучил, но я боялся его задать.

– Нет, – неожиданно и грустно ответило оно, – меня могут позвать назад и мне придется вернуться.

– Жаль... А скоро?

– Не знаю.

Оно замолчало, прикрыв глаза. Я смотрел как оно следит за воробьем, прыгающим по карнизу за нашим окном и что-то там собиравшим, и пытался угадать его мысли. Мне вдруг ужасно захотелось стать птичкой. Я бы тогда смог полететь куда захотел, посмотреть на мир. Какой он, наверное, красивый оттуда, с высоты...

– А вы... – неуверенно начал я.

Оно наострило уши.

– Расскажите о себе.

– О себе?... оно задумалось и посмотрело в окно, – я и не знаю, что можно рассказать о себе...

– Как ваше имя?... давно ли вы живете на этом свете?... Ну, что-то в этом роде.

– Мое имя, – произнесло оно, немного подумав, – Альфред Джонотан XIII, из рода Идемс.

– Тринадцатый?

– Да, тринадцатый по счету.

– А сколько вам лет?

– Четвертое столетие доживаю, триста девяносто семь. Еще слишком мало. По-вашему, это будет, кажется, восемнадцать.

– Вы молоды...

– По годам. некоторые считают, что у меня мысли старика...

– Я бы не сказал... Многие старые люди – пессимисты. Вы на пессимиста не похожи.

– Многие, но не все.

– Расскажите что-нибудь о своей жизни... – попросил я.

Оно зашевелилось и повернулось лицом к свету. Я наконец-то смог разглядеть его как следует: глаза задумчивые и печальные; большие острые уши; волосы короткие, светлые и прозрачные.

– Простите, что вы сказали?

– О жизни... расскажите что-нибудь о жизни... пожалуйста! Я ведь так мало о вас знаю!

– Извольте. Но здесь и рассказывать-то нечего. Обычная жизнь, как у всех привидений, только проще...

– Что значит «проще»?

– Проще потому, что я живу один, сам по себе. У меня есть собственный дом. В нем кроме меня, мышей и пауков больше никто не живет. Конечно, заглядывают иногда родственники, но это бывает редко. Я не гремлю цепями по ночам, не вою в трубе, не оставляю мокрых следов на полу. Я не делаю того, что обычные привидения.

– А что же тогда?

– Читаю.

– Читаете?

– Изучаю архивы и библиотеку... Мой дом давно заброшен, поэтому мне никто не мешает. И все-таки мне порой бывает скучно. С одними мышами и книгами не всегда живется хорошо. Иногда хочется с кем-нибудь поговорить по душам. Мне хотелось бы иметь друга... У меня нет друзей. Я прилетел сюда, чтобы найти его. Вы очень приятный собеседник и...

Оно замолкло на середине фразы.

– Я могу стать вашим другом?

– Вы... я был бы счастлив, что появился кто-то, кто захотел бы общаться с привидением...

– Значит, будем друзьями, сэр.

Я протянул ему руку. Оно пожало ее.

Внезапный порыв ветра распахнул ставни.

– Мне пора, – крикнуло оно, – прощайте! Будете у нас в Англии, в Йоркшире, заходите в гости...

– А когда вернетесь? – крикнул я, но то, вероятно, уже не слышало.

Оно вылетело в окно, слилось с ветром и исчезло. А я остался стоять вот так, опершись руками на подоконник. Я еще долго смотрел на улицу, на дома, на огни автомобилей внизу, на почерневшее небо в котором так стремительно исчез мой новый знакомый.

Больше мы не встречались...

Маска

Рассказ о том, как люди изобрели маску

Давным-давно, в далеком каменном веке было одно племя. Жило оно тихо, мирно, никого не трогало... Я времена тогда были благодатные: мамонты бегали по равнинам, медведи пещерные...

Короче говоря, жили в том племени два древних человека, Чум и Ям.

Чум был работягой. С утра до вечера вкалывал он на родное племя: ловил мамонтов и медведей, таскал воду, собирал дрова для огня. А Ям целыми днями бродил вслед за Чумом, создавая видимость работы, но вовсе не помогал ему, а только советовал, советовал, советовал...

Или еще того похуже! Принесет Чум домой шкуру медведя или бивень мамонта, а Ям его стащит и хвастается потом перед остальными, будто сам добыл. Или сядет Чум есть, только отвернется – ни Яма, ни мяса. Одни кости валяются. А потом до того обнаглел, что стал Чума из его же пещеры потихоньку выживать.

Терпел Чум эти выходки, терпел... В конце-концов, надоела ему такая жизнь. И решил он проучить Яма.

Был у племени свой дух, звали его Батахахма. Он был олицетворением предков и ярким борцом за справедливость (по крайней мере так в легендах говорилось). Изображали его в виде человека с головой из глиняного горшка, с намалеванными глазами, носом и ртом и в черной шкуре с красными и белыми пятнами, как у леопарда.

Вот и решил Чум нарядиться Батахахмой и прийти к Яму ночью.

Ну, таскать-то одежду у духа он не решился. Как ни крути, а все-таки священное место. Взял он шкуру медведя, сделал на ней пятна под цвет. Только вот горшок никак не находился. Всю пещеру облазил Чум – нет горшка нигде. Сел он на пол, да со злости ка-ак даст локтем по стене! Весь локоть отбил. Но тут что шлепнулось на него сверху. Глядит Чум – да это ж глиняная миска с ручками! Как раз то, что нужно.

– О, – протянул довольный Чум, – вот это маска! То есть миска...

Чум так и не понял, почему назвал миску не своим именем. (Это поняли только впоследствии его далекие потомки, но это было уже спустя много веков.)

Нарисовал Чум на миске нос, глаза, рот, полоски на щеках; примерил наряд – заглядение просто. Прodelал он дырочки, чтобы смотреть можно было и стал дожидаться вечера. Как только стемнело, отправился он к пещере Яма. Вошел он внутрь, спрятался и ждет.

Вот вернулся Ям, лег спать. Подождал Чум немного, потом вылез из своего убежища, подошел к кровати Яма и похлопал его по плечу. Ям спал. Чум снова похлопал его по плечу. Ям спал. Чум схватил его за ухо и дернул. Ям спал как убитым и даже не пошевелился. Подскочил тогда Чум к Яму и как заорет ему прямо в ухо:

– Проснись!!!

Ям пошевелился и сонно пробормотал:

– Что происходит?

– Я – ду-ух Батахахма-а-а! – завывл Чум не своим голосом.

– Что такое? – Ям наконец-то разлепил глаза и сидел, разинув рот.

– Я пришел за тобо-о-ой! – снова завывл Чум.

– А что я такого сделал? – взвизгнул Ям.

– Ты-ы мешал жить своим сосе-э-эдя-а-ам!

– Я ни в чем не виноват! – завопил Ям и попятился.

– Как ты можешь говорить неправду-у своему ду-у-уху? – продолжал завывать Чум, – как-то, бродя по вашему-у селению, я услышал сетования твоего соседа Чу-у-ума-а. Он говорил, что ты таскал у него шку-уры и бивни-и!

– Я верну, – быстро забормотал Ям, – я все верну. Завтра же верну.

– Я не просил тебя что-то возвращать, – Чум вдруг почувствовал, что говорит своим нормальным голосом (благо, Ям ничего не заметил) и снова перешел на вой, – Это еще не все-о-о! Ты отбирал у него ужи-ин, и надоедал своими советами-и-и!

– Я больше не буду!

– И еще я слы-ы-ышал, что ты хотел заня-а-ать его пеще-э-эру!

– Больше такое не повторится! Честное слово, не повторится! – завопил Ям в страхе.

– Так ты признаешь, что мешал жить своему соседу-у-у? – провыл Чум.

– Признаю! Усе признаю!

– Ты согласен, что за это я могу тебя наказа-а-ать?

Ям задрожал и забрался в дальний угол кровати. Чум и сам почувство-вал, что немного перебрал со своими угрозами.

– Ла-адно, – провыл он после продолжительной паузы, – Я тебя проща-а-аю, но если я узнаю, что ты-ы-ы опять мешаешь жи-и-ителям племени нор-мально существова-а-ать...

– Я все сделаю, как ты скажешь, – пропищал Ям, – я оставлю в покое Чу-ма... я всех оставлю в покое...

– Смо-о-отри у меня-а-а! – грозно провыл Чум, замахал шкурой, закрутил головой для пущего блеска и выскочил из пещеры.

На следующее утро Ям собрал свои пожитки и отправился бродить по белу свету. В племени, конечно, радовались: всем порядком надоел Ям – но никто не мог понять, почему он вдруг собрался уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.